

**Тексты олимпиадных заданий регионального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе
(2014–2015 уч. год)
10 класс**

Первый тур

Проза	Поэзия
В.Аксёнов Победа	Н.Заболоцкий Чертополох

Задание: Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) текста

Василий Аксёнов

Победа

Рассказ с преувеличениями

В купе скорого поезда гроссмейстер играл в шахматы со случайным спутником.

Этот человек сразу узнал гроссмейстера, когда тот вошёл в купе, сразу загорелся невысказанным желанием невысказанной победы над гроссмейстером. «Мало ли что, – думал он, бросая на гроссмейстера лукавые узнающие взгляды, – мало ли что, подумаешь, хилак какой-то».

Гроссмейстер сразу понял, что его узнали, и с тоской смирился: двух партий по крайней мере не избежать. Он тоже сразу узнал тип этого человека. Порой из окон Шахматного клуба на Гоголевском бульваре он видел розовые крутые лбы таких людей.

Когда поезд тронулся, спутник гроссмейстера с наивной хитростью потянулся и равнодушно спросил:

– В шахматишки, что ли, сыграем, товарищ?

– Да, пожалуй, – пробормотал гроссмейстер.

Спутник высунулся из купе, кликнул проводницу, появились шахматы, он схватил их слишком поспешно для своего равнодушия, высыпал, взял две пешки, зажал их в кулаки и кулаки показал гроссмейстеру. На выпуклости между большим и указательным пальцами левого кулака татуировкой было обозначено «Г.О.».

– Левая, – сказал гроссмейстер и чуть поморщился, вообразив удары этих кулаков, левого или правого.

Ему достались белые.

– Время-то надо убить, правда? В дороге шахматы – милое дело, – добродушно приговаривал Г.О., расставляя фигуры.

Они быстро разыграли северный гамбит, потом всё запуталось.

Гроссмейстер внимательно глядел на доску, делая мелкие, незначительные ходы. Несколько раз перед его глазами молниями возникали возможные матовые трассы ферзя, но он гасил эти вспышки, чуть опуская веки и подчиняясь слабо гудящей внутри занудливой, жалостливой ноте, похожей на жужжание комара.

– «Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя...», – на той же ноте тянул Г.О.

Гроссмейстер был воплощённая аккуратность, воплощённая строгость одежды и манер, столь свойственная людям, неуверенным в себе и легко ранимым. Он был молод, одет в серый костюм, светлую рубашку и простой галстук. Никто, кроме самого гроссмейстера, не знал, что его простые галстуки помечены фирменным знаком «Дом Диора». Эта маленькая тайна всегда как-то согревала и утешала молодого и молчаливого гроссмейстера. Очки также довольно часто выручали его, скрывая от посторонних неуверенность и робость взгляда. Он сетовал на свои губы, которым свойственно было растягиваться в жалкой улыбочке или вздрагивать. Он охотно закрыл бы от посторонних глаз свои губы, но это, к сожалению, пока не было принято в обществе.

Игра Г.О. поражала и огорчала гроссмейстера. На левом фланге фигуры столпились таким образом, что образовался клубок шарлатанских каббалистических знаков, было похоже на настройку халтурного духового оркестра, жёлто-серый слежавшийся снег, глухие заборы, цементный завод. Весь левый фланг пропах уборной и хлоркой, кислым запахом казармы, мокрыми тряпками на кухне, а также тянуло из раннего детства касторкой и поносом.

– Ведь вы гроссмейстер такой-то? – спросил Г.О.

– Да, – подтвердил гроссмейстер.

– Ха-ха-ха, какое совпадение! – воскликнул Г.О.

«Какое совпадение? О каком совпадении он говорит? Это что-то немыслимое! Могло ли такое случиться? Я отказываюсь, примите мой отказ», – панически быстро подумал гроссмейстер, потом догадался, в чём дело, и улыбнулся.

– Да, конечно, конечно.

– Вот вы гроссмейстер, а я вам ставлю вилку на ферзя и ладью, – сказал Г.О. Он поднял руку. Конь-provokator повис над доской.

«Вилка в зад, – подумал гроссмейстер. – Вот так вилочка! У дедушки была своя вилка, он никому не разрешал ею пользоваться. Собственность. Личные вилка, ложка и

нож, личные тарелки и пузырёк для мокроты. Также вспоминается “лирная” шуба, тяжёлая шуба на “лирном” меху, она висела у входа, дед почти не выходил на улицу. Вилка на бабушку и бабушку. Жалко терять стариков».

Пока конь висел над доской, перед глазами гроссмейстера вновь замелькали светящиеся линии и точки возможных предметных рейдов и жертв.

Увы, круп коня с отставшей грязно-лиловой байкой был так убедителен, что гроссмейстер только пожал плечами.

– Отдаёте ладью? – спросил Г.О.

– Что поделаешь.

– Жертвуете ладью ради атаки? Угадал? – спросил Г.О., всё ещё не решаясь поставить коня на желанное поле.

– Просто спасаю ферзя, – пробормотал гроссмейстер.

– Вы меня не поддавливаете? – спросил Г.О.

– Нет, что вы, вы сильный игрок.

Г.О. сделал свою заветную «вилку». Гроссмейстер спрятал ферзя в укромный угол за террасой, за полуразвалившейся каменной террасой с резными подгнившими столбиками, где осенью остро пахло прелыми кленовыми листьями. Здесь можно отсидеться в удобной позе, на корточках. Здесь хорошо, во всяком случае, самолюбие не страдает. На секунду привстав и выглянув из-за террасы, он увидел, что Г.О. снял ладью.

Внедрение чёрного коня в бессмысленную толпу на левом фланге, занятие им поля, занятие им поля «b4», во всяком случае, уже наводило на размышления.

Гроссмейстер понял, что в этом варианте, в этот весенний зелёный вечер одних только юношеских мифов ему не хватит. Всё это верно, в мире бродят славные дурачки – юнги Билли, ковбои Гарри, красавицы Мери и Нелли, и бригантина поднимает паруса, но наступает момент, когда вы чувствуете опасную и реальную близость чёрного коня на поле «b4». Предстояла борьба, сложная, тонкая, увлекательная, расчётливая. Впереди была жизнь.

Гроссмейстер выиграл пешку, достал платок и высморкался. Несколько мгновений в полном одиночестве, когда губы и нос скрыты платком, настроили его на банально-философический лад. «Вот так добиваешься чего-нибудь, – думал он, – а что дальше? Всю жизнь добиваешься чего-нибудь; приходит к тебе победа, а радости от неё нет. Вот, например, город Гонконг, далёкий и весьма загадочный, а я в нём уже был. Я везде уже был».

«На его месте Петросян бы уже сдался», – подумал гроссмейстер.

Потеря пешки мало огорчила Г.О.: ведь он только что выиграл ладью. Он ответил

гроссмейстеру ходом ферзя, вызвавшим изжогу и минутный приступ головной боли.

Гроссмейстер сообразил, что кое-какие радости ещё остались у него в запасе. Например, радость длинных, по всей диагонали, ходов слона. Если чуть волочить слона по доске, то это в какой-то мере заменит стремительное скольжение на ялике по солнечной, чуть-чуть зацветшей воде подмосковного пруда, из света в тень, из тени в свет. Гроссмейстер почувствовал непреодолимое страстное желание захватить поле «h8», ибо оно было полем любви, бугорком любви, над которым висели прозрачные стрекозы.

– Ловко вы у меня отыграли ладью, а я прохлопал, – пробасил Г.О., лишь последним словом выдав своё раздражение.

– Простите, – тихо сказал гроссмейстер. – Может быть, вернёте ходы?

– Нет-нет, – сказал Г.О., – никаких поблажек, очень вас умоляю.

– «Дам кинжал, дам коня, дам винтовку свою...», – затаил он, погружаясь в стратегические размышления.

Бурный летний праздник любви на поле «h8» радовал и вместе с тем тревожил гроссмейстера. Он чувствовал, что вскоре в центре произойдёт накопление внешне логичных, но внутренне абсурдных сил. Опять послышится какофония и запахнет хлоркой, как в тех далёких проклятой памяти коридорах на левом фланге.

– Вот интересно: почему все шахматисты – евреи? – спросил Г.О.

– Почему же все? – сказал гроссмейстер. – Вот я, например, не еврей.

– Правда? – удивился Г.О. и добавил: – Да вы не думайте, что я это так. У меня никаких предрассудков на этот счёт нет. Просто любопытно.

– Ну, вот вы, например, – сказал гроссмейстер, – ведь вы не еврей.

– Где уж мне! – пробормотал Г.О. и снова погрузился в свои секретные планы.

«Если я его так, то он меня так, – думал Г.О. – Если я сниму здесь, он снимет там, потом я хожу сюда, он отвечает так... Всё равно я его добыю, всё равно доломаю. Подумаешь, гроссмейстер-блатмейстер, жила ещё у тебя тонкая против меня. Знаю я ваши чемпионаты: договариваетесь заранее. Всё равно я тебя задавлю, хоть кровь из носа!»

– Да-а, качество я потерял, – сказал он гроссмейстеру, – но ничего, ещё не вечер.

Он начал атаку в центре, и, конечно, как и предполагалось, центр сразу превратился в поле бессмысленных и ужасных действий. Это была не-любовь, не-встреча, не-надежда, не-привет, не-жизнь. Гриппозный озноб и опять жёлтый снег, послевоенный неуют, всё тело чешется. Чёрный ферзь в центре каркал, как влюблённая ворона, воронья любовь, кроме того, у соседей скребли ножом оловянную миску. Ничто так определённо не доказывало бессмысленность и призрачность жизни, как эта позиция в центре. Пора кончать игру.

«Нет, – подумал гроссмейстер, – ведь есть ещё кое-что, кроме этого».

Он поставил большую бобину с фортепьянными пьесами Баха, успокоил сердце чистыми и однообразными, как плеск волн, звуками, потом вышел из дачи и пошёл к морю. Над ним шумели сосны, а под босыми ногами был скользкий и пружинящий хвойный наст.

Вспоминая море и подражая ему, он начал разбираться в позиции, гармонизировать её. На душе вдруг стало чисто и светло. Логично, как баховская сода, наступил мат чёрным. Матовая ситуация тускло и красиво засветилась, завершённая, как яйцо. Гроссмейстер посмотрел на Г.О. Тот молчал, набычившись, глядя в самые глубокие тылы гроссмейстера. Мата своему королю он не заметил. Гроссмейстер молчал, боясь нарушить очарование этой минуты.

– Шах, – тихо и осторожно сказал Г.О., двигая своего коня. Он еле сдерживал внутренний рёв.

...Гроссмейстер вскрикнул и бросился бежать. За ним, топоча и свистя, побежали хозяин дачи, кучер Еврипид и Нина Кузьминична. Обгоняя их, настигала гроссмейстера спущенная с цепи собака Ночка.

– Шах, – ещё раз сказал Г.О., переставляя своего коня, и с мучительным вожделением глотнул воздух.

...Гроссмейстера вели по проходу среди затихшей толпы. Идущий сзади чуть касался его спины каким-то твёрдым предметом. Человек в чёрной шинели с эсэсовскими молниями на петлицах ждал его впереди. Шаг – полсекунды, ещё шаг – секунда, ещё шаг – полторы, ещё шаг – две... Ступеньки вверх. Почему вверх? Такие вещи следует делать в яме. Нужно быть мужественным. Это обязательно? Сколько времени занимает надевание на голову вонючего мешка из рогожи? И так, стало совсем темно и трудно дышать, и только где-то очень далеко оркестр бравурно играл «Хас-Булат удалой».

– Мат! – как медная труба, вскрикнул Г.О.

– Ну, вот видите, – пробормотал гроссмейстер, – поздравляю!

– Уф, – сказал Г.О., – уф, ух, прямо запарился, прямо невероятно, надо же, чёрт возьми! Невероятно, залепил мат гроссмейстеру! Невероятно, но факт! – Захохотал он.

– Ай да я! – Он шутливо погладил себя по голове. – Эх, гроссмейстер вы мой, гроссмейстер, – зажужжал он, положил ладони на плечи гроссмейстера и дружески нажал, – милый вы мой молодой человек... Нервишки не выдержали, да? Сознаться?

– Да-да, я сорвался, – торопливо подтвердил гроссмейстер.

Г.О. широким свободным жестом смёл фигуры с доски. Доска была старая, щерблёная, кое-где поверхностный полированный слой отодрался, обнажена была жёлтая,

измученная древесина, кое-где имелись фрагменты круглых пятен от поставленных в былые времена стаканов железнодорожного чая.

Гроссмейстер смотрел на пустую доску, на шестьдесят четыре абсолютно бесстрастных поля, способных вместить не только его собственную жизнь, но бесконечное число жизней, и это бесконечное чередование светлых и тёмных полей наполнило его благоговением и тихой радостью. «Кажется, – подумал он, – никаких крупных подлостей в своей жизни я не совершал».

– А ведь так вот расскажешь, и никто не поверит, – огорчённо вздохнул Г.О.

– Почему же не поверят? Что же в этом невероятного? Вы сильный, волевой игрок, – сказал гроссмейстер.

– Никто не поверит, – повторил Г.О., – скажут, что брешу. Какие у меня доказательства?

– Позвольте, – чуть обиделся гроссмейстер, глядя на розовый крутой лоб Г.О., – я дам вам убедительное доказательство. Я знал, что я вас встречу.

Он открыл свой портфель и вынул оттуда крупный, с ладонь величиной золотой жетон, на котором было красиво выгравировано: «Податель сего выиграл у меня партию в шахматы. Гроссмейстер такой-то».

– Остаётся только проставить число, – сказал он, извлёк из портфеля гравировальные принадлежности и красиво выгравировал число в углу жетона.

– Это чистое золото, – сказал он, вручая жетон.

– Без обмана? – спросил Г.О.

– Абсолютно чистое золото, – сказал гроссмейстер. – Я заказал уже много таких жетонов и постоянно буду пополнять запасы.

Февраль 1965

Николай Заболоцкий

Чертополох

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар, и суматоха,
И огней багровый хоровод.
Эти звёзды с острыми концами,
Эти брызги северной зари

И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетённый из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей,
Это башня ярости и славы,
Где к копыю приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны моё.
Снилась мне высокая темница
И решётка, чёрная, как ночь,
За решёткой – сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встаёт стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простёрся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор её неугасимых глаз.